

УДК 81'23 + 81'25

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-98-109

Юридическая лексика как средство выявления М. Прустом культурных кодов аристократии, буржуазии и народа

Е. С. Савина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация

Представлен стилистический и когнитивный анализ юридической лексики в третьем томе романа М. Пруста (*Le côté de Guermantes*), автора, принадлежавшего к *amateurs d'aristocratie*, которая используется для описания ментального, психологического и культурного мира Германтов в его противопоставлении, с одной стороны, миру буржуазии, с другой – жизни простого народа. Рассматриваемые нами юридические термины входят в состав стилистических фигур, прежде всего образных сравнений и метафор. Вслед за Ж. Корню и другими исследователями, под юридической лексикой, юридической терминологией и юридическими терминами мы понимаем все слова того или иного языка (в нашем случае французского), имеющие по меньшей мере одно юридическое значение. Выявленные нами юридические термины мы разделили на две группы: общую юридическую лексику и лексику, относящуюся к отдельным отраслям права: конституционного, уголовного и международного. Для проверки их семантики мы использовали словари, как двуязычные переводные, так и одноязычные толковые, общие и специальные, и прибегали к методам контекстуального анализа. Основная цель нашей работы заключалась в установлении функции данных фигур в тексте. Для решения этой задачи необходимо было проанализировать семантику рассматриваемых терминов, выявить их коннотации, а также установить их контекстуальные связи с фигурами, в которых задействована лексика из других областей жизни. Германты ассоциируются в глазах выходцев буржуазии, представителем которых является, в частности, Марсель, с некими возвышенными образами: волшебными преданиями древних времен, произведениями изобразительного и музыкального искусства, старинными музыкальными инструментами. В данном контексте такой юридический термин, как *carte photographique d'identité* вносит по контрасту приземленную, утилитарную, прозаическую ноту. С другой стороны, даже безобразная драка Сен-Лу с журналистом в ресторане возвышенно сравнивается с дипломатическим конфликтом на высшем уровне, с ситуацией из области международного права. Демократические же изменения, которые привели к возвышению буржуазии, жизнь простого народа и его взаимоотношения с хозяевами-буржуа, напротив, представлены предельно конкретно как симбиоз: паводковые наносы ила; самые разные звуки и шумы, которые могут прекращаться только искусственно по случаю визита президента. Чувства, например, восхищение издали Марселем герцогиней Германтской и любовь Сен-Лу к актрисе Рахиль переданы изображением разных аспектов тюремного заключения.

Ключевые слова

метафора, образное сравнение, стилистические фигуры, юридическая лексика, юридическая терминология, юридические термины, язык и стиль автора

Благодарности

Автор хотел бы поблагодарить Елену Эмильевну Разлогову, Ирину Николаевну Кузнецову и Татьяну Ильиничну Тарасову за ценные советы, полезные консультации и плодотворные обсуждения

Для цитирования

Савина Е. С. Юридическая лексика как средство выявления М. Прустом культурных кодов аристократии, буржуазии и народа // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 98–109. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-98-109

© Е. С. Савина, 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 3

Legal Vocabulary as Means of Revealing by Marcel Proust of the Cultural Codes of French Aristocracy, Bourgeoisie and Peasantry

Elena S. Savina

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This article is devoted to the stylistic and cognitive analysis of the legal vocabulary in the third volume of Marcel Proust's novel "In Search of Lost Time" used in order to describe mental, psychological and cultural world of Guermantes in its contrast with the world of bourgeoisie and with that of French peasants. The legal terms we consider in the paper are used by Proust as core components of a number of stylistic figures, first of all, similes and metaphors. Following Gérard Cornu and some other scholars, we understand legal terminology (legal terms and legal vocabulary in general) as any word of language (in our case, those of French) having at least one legal meaning, acknowledged by an authoritative French dictionary. The legal terms identified in the text were classified into two groups: general legal vocabulary and specific legal vocabulary belonging to different branches of law: constitutional, criminal, international. In order to confirm their legal semantics while conducting contextual analysis, we have consulted all types of dictionaries: bilingual, monolingual, general and special ones. The main aim of the article was to determine the functions of these figures in Marcel Proust's text whose poetics is not at all legal. To achieve it, the main task was to identify the connections between the denotative meaning of a given term and its connotative contextual transformations. This means first of all to decode contextual links between the legal figure under analysis and various domains of life it was applied to by Proust. Eventually, this analysis helps to reveal French cultural codes, those of declining aristocracy, empowered bourgeoisie and, in "Guermantes", of peasantry. Thus, the Guermantes are associated in the eyes of the bourgeoisie, represented by Marcel, with something ancient, inaccessible to rational minds, charming: some sublime images, magical legends of ancient times, exquisite works of art and music, antique music instruments. In this context, a legal term, such as *carte photographique d'identité* for instance, introduces, by contrast, some materially-minded, pragmatic, prosaic notes. At the same time, democratic changes leading to the rise of the bourgeoisie, as well as the world of peasants are depicted in an extremely concrete way, being associated with the untamed force of nature: damage and devastation caused by the floods, noises, and the like. At the same time, various typical human feelings, such as Marcel's admiration and Saint-Loup's love due to the use of legal figures may be represented as imprisonment.

Keywords

similes, metaphors, stylistic figures, legal vocabulary, legal terminology, legal terms, language and style of a writer

Acknowledgements

The author would like to thank Elena Razlogova, Irina Kuznetsova and Tatiana Tarasova for their precious and useful advice, as well as for all our productive discussions

For citation

Savina, Elena S. Legal Vocabulary as Means of Revealing by Marcel Proust of the Cultural Codes of French Aristocracy, Bourgeoisie and Peasantry. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 98–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-98-109

Введение

В романе М. Пруста вольно или невольно оказались представлены самые разнообразные идеи. Так, переход от личного опыта к общефилософским проблемам в романе недавно подвергся исследованию в работе И. И. Блауберг [2018], которая относит его проблематику к традиционно находящейся в центре внимания философии. Новую грань творчества М. Пруста сквозь призму его журналистской деятельности рассматривает В. П. Трыков¹. Исследователь показывает, что характеристики журналистских публикаций писателя впоследствии в полной мере проявились и в его прозе. Некоторые работы посвящены чувствительности и сознанию в текстах писателя [Hughes, 2010]. Р. Эпштейн написал фундаментальную статью о соотношении сознания, восприятия искусства и мозговой деятельности у Пруста

¹ Трыков В. П. Марсель Пруст – журналист // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust/ (дата обращения 17.12.2020).

и в его творчестве [2004]². Не случайно Т. М. Николаева высказывает мнение, что описываемые в романе «события» на самом деле не происходили, не являются таковыми, а лишь мерещатся герою [2012].

В связи с изучением юридической лексики в составе художественного произведения также возникают очень специфические проблемы. Они не рассматриваются обычно в работах, посвященных когнитивному анализу юридических терминов в юридическом дискурсе (ср. [Федулова, 2017]) или истории формирования русской правовой терминологии в ее контактах с английской [Лутцева, 2007], что оказывается возможным, несмотря на то, что системы права у нас базируются на принципиально различных основаниях.

В своих предыдущих статьях, посвященных М. Прусту, мы уже пытались определить объем понятия «юридическая лексика» [Савина, 2019; 2020], отмечая его широту. Она трактуется нами через ее отношения с фигурой законодателя (рассматриваемого тоже в самом широком смысле) как «словарный состав современного языка, которым пользуется законодатель в своей деятельности»³. При всей своей широте это определение все-таки конкретнее того, которое предложено, например, Ж. Корню, трактующим юридическую лексику как совокупность терминов, которые имеют в том или ином языке одно или несколько юридических значений («Le vocabulaire juridique français est, au sein d'une langue, l'ensemble des termes qui ont, dans cette langue, une ou plusieurs acceptions juridiques») [Cornu, 2005. P. 14].

Спецификой функционирования юридической лексики в правовой сфере объясняются и некоторые ее лингвистические особенности. Так, одной из ее характеристик является наличие большого количества антонимов, синонимов, многозначных слов и фразеологических оборотов. Данная лингвистическая особенность тоже диктуется извне и связана с типами отношений между людьми, которые регулируются правом, что эксплицитно подчеркивается в [Гойман-Калинский, Иванец, Червонюк, 2003].

Художественный текст плодотворно соединяет специальное значение единиц, составляющих юридическую лексику⁴, с их лингвостилистическим и социокультурным потенциалом, и потому исследователю приходится анализировать всевозможные стилистические фигуры (прежде всего метафоры и сравнения), созданные на основе юридических терминов.

Стилистические фигуры рассматривают как отклонение от языковой нормы еще со времен Квинтилиана (см., например, «А фигура, как и самое название ее показывает, есть некий оборот речи, от общего и обыкновенного образа изъяснения мыслей отступающий» [Квинтилиан, 1834. С. 124]. Во Франции данный подход был наиболее полно и систематически представлен в работах П. Фонтанье 1821 и 1827 г. *Manuel classique pour l'étude des tropes, ou élément de la science des mots* и *Des figures autres que tropes* соответственно, в последний раз переизданных в 2009 г. [Fontanier, 2009]. Однако анализу и классификациям фигур во французском языке до сих пор посвящается немалое количество работ (см., например, [Васгу, 1992; Fromilhague, 2010; Pougeoise, 2001; Reboul, 1991]), несмотря на богатую историю изучения этой проблематики. Некоторая новизна нашего подхода состоит в том, что, вслед за Ж. Молинье, мы не будем разделять такие фигуры, как метафора и образное сравнение, а будем считать сравнение первой стадией метафоры [Molinié, 1992. P. 213–214].

Юридическая лексика занимает важное место в текстах М. Пруста. Мы разделили примеры, выявленные нами в третьем томе романа, на общую юридическую лексику и на термины,

² R. Epstein использует отличное от нашего английское название романа Пруста: *Remembrance of Things Past*. Однако этот вариант не нов, он появился еще при жизни Пруста, который считал, что оно сужает смысл произведения. Действительно, выражение *things past* придает ему излишнюю историческую прагматичность, а слово *remembrance* несколько утрирует сам писательский процесс поиска времени. Кроме того, известно, что Пруст категорически возражал против такого перевода названия. Именно поэтому мы предпочитаем другой, также устойчивый вариант, дословно воспроизводящий французский оригинал, *In Search of Lost Time*.

³ Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права. М.: Право и закон, КолосС, 2003. URL: https://elementary_law.academic.ru/451 (дата обращения 17.12.2020).

⁴ В рамках нашей работы мы будем также использовать понятие «юридическая терминология», считая его полным синонимом.

относящиеся к областям конституционного, международного и уголовного права. Специальное значение анализируемых терминов уточняется по толковым и юридическим словарям.

1. Общая юридическая лексика

- *Carte photographique d'identité* «личная фотокарточка для документов»

Существительное *identité* в значении «данные о личности» в словаре *Trésor de la langue française*⁵ определяется как «ensemble des traits ou caractéristiques qui, au regard de l'état civil, permettent de reconnaître une personne et d'établir son individualité au regard de la loi». В словаре рассматриваемое значение помечено как относящееся к области права, а для его иллюстрации приводятся такие коллокации, как *constater, vérifier l'identité de qqn, papier d'identité*, и там же присутствует рассматриваемое нами выражение. У М. Пруста оно релевантно, на наш взгляд, в аспекте противопоставления «официальной фотокарточки для документов» художественному портрету, с которым его «аристократический» романтизированный мир ассоциируется, конечно же, в большей степени:

Cependant, la fée dépérit <...> et avec elle le nom, comme cette famille de Lusignan qui devait s'éteindre le jour où disparaîtrait la fée Mélusine. Alors le Nom, sous les repeints successifs duquel nous pourrions finir par retrouver à l'origine le beau portrait d'une étrangère que nous n'aurons jamais connue, n'est plus que la simple carte photographique d'identité <...> Mais qu'une sensation d'une année d'autrefois – comme ces instruments de musique enregistreurs qui gardent le son et le style des différents artistes qui en jouèrent – permette à notre mémoire de nous faire entendre ce nom <...>, et ce nom <...>, nous sentons la distance qui sépare l'un de l'autre les rêves que signifièrent successivement pour nous les syllabes identiques. <...> [Proust, 1988. P. 5].

В начале третьего тома романа противопоставляется восприятие Марселем имени герцогини Германтской реальной женщине. *Le Nom* (т. е. Имя), его звучание, звуковой ореол значат гораздо больше для мальчика, выступающего в роли наблюдателя, чем сама личность (*la personne réelle*). Общение с реальной женщиной быстро переводит ее из категории феи, которой она показалась ему издавна, в категорию «простых смертных», тогда как Имя ее первоначальную магию хранит в неприкосновенности. Изначальное представление о ней в его глазах иррационально, волшебное, загадочно, что выражается за счет использования существительного *fée*, а также проведения аналогии с феей Мелюзиной, легендарной основательницей династии Люзиньян, вымышленных предков Германтов. Оппозиция волшебного и прозаического миров, деградация волшебства передаются также с помощью «утилитарного изобретения»⁶ *carte photographique d'identité*. Рассматриваемое выражение благодаря своему «административному», «официальному» характеру противопоставляет сказочные (а также связанные с областью изобразительного и музыкального искусства) мечты Марселя о герцогине Германтской реальной женщине.

Знакомству с «реальной» герцогиней Германтской соответствует и окончательное превращение феи Мелюзин, женщины-змеи, в чудовище после того, как ее супруг нарушил клятву и подсмотрел за ней в субботу, единственный день недели, когда он не должен был этого делать, чтобы она могла жить как обычная женщина в остальное время⁷. То же происходит и с завораживающим портретом незнакомки, который словно становится обычной фотокарточкой на документы, как только Марсель к ней приближается. Однако для повествователя очарование исчезает не навсегда, и прежние впечатления могут его воскресить. Это, впрочем, не удивительно, поскольку психические состояния обратимы. Та же идея выражается и посредством упоминания древних музыкальных инструментов, несущих на себе отпечаток прикосновений ранее игравших на них музыкантов. Таким образом, М. Пруст выража-

⁵ Le Trésor de la langue française. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 17.12.2020).

⁶ Изобретатель фотографии (Ньепс) был аристократического происхождения, а изображения правонарушителей были нужны еще королям в XVIII в.

⁷ Приводится по сайту https://www.leslusignanetmelusine.fr/index.php/34-la-legende/la-legende-de-melusine#js_navigation (дата обращения 17.12.2020).

ет одну и ту же идею противопоставления воображаемого мира реальному (явно отдавая предпочтение первому), обращаясь сразу к нескольким ассоциативным рядам (старинные легенды, живопись, музыка).

- *Coutumier* «сборник кутюм, свод постановлений обычного права»

Существительное *coutumier* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню следующим образом: «Dans l'Ancien Droit, recueil de coutumes; plus spécialement celui des coutumes d'une région». Мы уже рассматривали данный термин ранее [Савина, 2019. С. 69–70]. Однако там он «абстрактно» перечислялся наряду с прочими французскими древностями, такими как медальоны периода Возрождения, старинные названия населенных пунктов, которые с акустической точки зрения ассоциировались у Марселя с изысканным именем дяди маркиза де Сен-Лу, одного из самых недоступных представителей аристократии, Паламедом. В следующем же ниже контексте говорится о конкретном своде древних кутюм из архива герцогини Германтской, с которым в его представлении были связаны ее черты лица и ее речь:

<...> Je revoyais les armoiries <...> dont les quartiers s'étaient remplis <...> de toutes les seigneuries <...> venues <...> inscrire <...> leur donjon de sinople ou leur château d'argent dans son champ d'azur. J'avais entendu parler des célèbres tapisseries de Guermantes et je les voyais <...> au pied de l'antique forêt où chassa si souvent Childebert, et <...> il me semblait qu[e] <...> je pénétrerais dans leurs secrets, rien qu'en approchant un instant à Paris Mme de Guermantes, suzeraine du lieu et dame du lac, comme si son visage et ses paroles eussent dû posséder <...> les mêmes particularités séculaires que le vieux coutumier de ses archives. Mais alors <...> [Saint-Loup] m'avait appris que le château ne s'appelait Guermantes que depuis le XVIIe siècle <...> [Proust, 1988. P. 8].

Правовые обычаи действовали во Франции с эпохи Средневековья до революции 1789 г. В данном случае рассматриваемое существительное, в отличие от предыдущего примера, гармонично вписывается в развернутую сеть словесных ассоциаций, связанных в представлении Марселя с образом герцогини Германтской, в частности с древностью ее фамилии, восходящей ко временам феодализма (на что прямо указывают такие существительные, как *armoiries*, *quartiers*, *seigneuries*, *château*, *donjon*, *suzeraine* и прилагательное *sinople*, обозначающее зеленый цвет в геральдике), с рыцарскими романами о короле Артуре (*dame du lac* – фея Озера, воспитавшая Ланселота), а также с гербом их рода, замками, средневековыми настенными коврами, сословными привычками сельской жизни, природной средой, с древним лесом, в котором охотился сын Хлодвиг, само имя которого звучит еще по-германски. Данная развернутая сеть визуальных ассоциаций вводится, как часто происходит у Пруста, конкретным зрительным образом – гербом рода Германтов рядом с витражами в церкви Комбре. Но здесь романтическое воображение Марселя получает привычный контрудар, мечты снова рассеиваются при контакте с реальностью, когда он осознает, что фактически «древность присутствия» Германтов в этих местах восходит к XVII веку. Также интересно отметить, что здесь имплицитно утверждается та же – рациональная по своей сути – мысль, что и в предыдущем отрывке, а именно: сокращение дистанции с неким волшебным, загадочным, легендарным объектом, то есть переход из виртуального пространства в реальное, неизбежно разрушает его очарование.

- *Droit d'exercer librement le culte* «право на свободное отправление культа»

Право на свободное отправление культа во Франции закреплено в первой статье закона об отделении церкви от государства от 9 декабря 1905 года: «La République assure la liberté de conscience. Elle garantit le libre exercice des cultes sous les seules restrictions édictées ci-après dans l'intérêt de l'ordre public»⁸. М. Пруст употребляет выражение *droit reconnu d'exercer librement le culte du déjeuner* применительно к служанке Франсуазе (вводя в текст «крестьянскую» тему, тему простого народа), которая после смерти тети Леонии перешла на службу

⁸ Приводится по сайту <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000508749> (дата обращения 17.12.2020).

к родителям Марселя и вслед за этим переехала с ними в особняк Германтов, не только в прямом значении, но и иронически, в как бы религиозном смысле:

<...> pareille à ces plantes qu'un animal <...> nourrit d'aliments qu'il attrape, mange, digère pour elles et qu'il leur offre dans son dernier et tout assimilable résidu, Françoise vivait avec nous en symbiose; c'est nous qui <...> devons nous charger d'élaborer les petites satisfactions d'amour-propre dont était formée – en y ajoutant le droit reconnu d'exercer librement le culte du déjeuner suivant la coutume ancienne comportant la petite gorgée d'air à la fenêtre quand il était fini – <...> la part de contentement indispensable à sa vie. Aussi comprend-on que Françoise avait pu dépérir, <...> en proie <...> à <...> l'ennui dans ce sens énergique qu'il a chez Corneille ou sous la plume des soldats qui finissent par se suicider parce qu'ils s'« ennuiant » trop après leur fiancée, leur village <...> [Proust, 1988. P. 13].

В данном отрывке Марсель иронично передает эксплицитно сформулированное далее в тексте описание представлений Франсуазы о добродетели:

Si elle tenait tant d'ailleurs <...> à ce qu'on nous sût riches, ce n'est pas que la richesse sans plus, la richesse sans la vertu, fût aux yeux de Françoise le bien suprême, mais la vertu sans la richesse n'était pas non plus son idéal. <...> Elle les séparait si peu qu'elle avait fini par prêter à chacune les qualités de l'autre, à exiger quelque confortable dans la vertu, à reconnaître quelque chose d'édifiant dans la richesse [Proust, 1988. P. 15–16].

Для описания ее первых непростых дней на новом месте (где ее новым хозяевам не оказывали должного почтения, так как об их прежних заслугах никто не знал, в то время как в Комбре тетю Леонию уважали) и сложных отношений с семьей Марселя (с одной стороны, она была столь же неразрывно связана с ними, как растение в симбиозе с животным; с другой – представляла свое право проводить за обедом с другими слугами по три часа в день столь же неприкосновенным как право на свободу отправления культа) используются сравнения и метафоры из разных сфер жизни: ботаники, права, армии. Пруст вводит, проводя несколько ироничную параллель, также интертекстуальный культурный концепт: уныние как в трагедиях Корнеля, то есть в классицизме, когда для того, чтобы сохранить честь, нередко приходилось умирать; равно как и «высокий» глагол *dépérir*, который ранее употреблялся применительно к фее Мелюзине [Proust, 1988. P. 5]. Данные сравнения и метафоры, с одной стороны, приносят ироничную нотку, с другой – позволяют выявить в служанке некие исконные, глубинные народные представления о чести и почете.

- *Certificat d'authenticité* «сертификат подлинности»

Существительное *authenticité* «подлинность, аутентичность, достоверность» определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «qualité de l'objet ou du document (œuvre, écrit, etc.) dont l'auteur ou l'origine sont attestés, notamment sur la foi d'un certificat».

В романе М. Пруста выражение *certificat d'authenticité*, используемое применительно к произведениям искусства, образно употребляется для фигурального подтверждения подлинности высокого происхождения герцогини Германтской, равно как и для указания на то, что само лишь ее присутствие в фамильной ложе ее кузины, принцессы Германтской, свидетельствовало в некотором роде о высокой ценности культурной жизни и о «высоком художественном качестве» окружения последней, подобно тому как ее прекрасное имя непосредственно указывало на благородное происхождение, несмотря на то, что она сама далеко не была красивой:

<...> Mais comme certains artistes qui, au lieu des lettres de leur nom, mettent au bas de leur toile une forme belle par elle-même, un papillon, un lézard, une fleur, de même c'était la forme d'un corps et d'un visage délicieux que la princesse apposait à l'angle de sa loge, montrant par là que la beauté peut être la plus noble des signatures; car la présence de Mme de Guermentes <...> était, aux yeux des amateurs d'aristocratie, le meilleur certificat d'authenticité du tableau que présentait sa baignoire <...>.

Notre imagination étant comme un orgue de Barbarie détraqué <...>, le souvenir de certaines œuvres du XVIe siècle avait commencé à chanter en moi <...> [Proust, 1988. P. 37].

В данном контексте тело и лицо госпожи Германтской сравниваются с произведением искусства. В сертификате подлинности художественного произведения указываются характеристики, которые позволяют однозначно его идентифицировать: его название, дата написа-

ния, фамилия художника и т. д. В рассматриваемом отрывке говорится также об отдельных, на первый взгляд, незначительных деталях, по красоте которых можно узнать руку мастера даже без его подписи, и присутствие герцогини Германтской в ложе принцессы Германтской, подобно этим элементам, свидетельствует о качестве круга общения последней. С этой точки зрения герцогиня Германтская сопоставляется с величественным придворным портретом эпохи Возрождения. При этом автор тут же указывает на субъективность ощущений подобного рода, во-первых, используя оговорку «aux yeux des amateurs d'aristocratie», во-вторых, сравнивая воображение наблюдателя с расстроенной шарманкой, воспроизводящей любую мелодию, кроме требуемой.

2. Лексика, относящаяся к отдельным отраслям права

2.1. Лексика из области конституционного права

- *Démocratie* «демократия»

Существительное *démocratie* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «régime politique dans lequel le pouvoir suprême est attribué au peuple qui l'exerce lui-même, ou par l'intermédiaire des représentants qu'il élit». В романе оно употребляется в составе образного сравнения:

<...> C'était une de ces vieilles demeures <...> dans lesquelles la cour d'honneur – soit alluvions apportées par le flot montant de la démocratie, soit legs de temps plus anciens où les divers métiers étaient groupés autour du seigneur – avait souvent sur ses côtés des arrière-boutiques, <...> – et au fond, dans le logis «faisant hôtel», une «comtesse» qui, quand elle sortait dans sa vieille calèche à deux chevaux, montrant sur son chapeau quelques capucines semblant échappées du jardin de la loge <...>, envoyait indistinctement des sourires et des petits bonjours de la main aux enfants du portier et aux locataires bourgeois de l'immeuble qui passaient à ce moment-là et qu'elle confondait dans sa dédaigneuse affabilité et sa morgue égalitaire [Proust, 1988. P. 10].

Данный отрывок построен на целой серии антитез: арендаторы-буржуа в аристократическом особняке, старинный особняк феодала – окружающее его жилье простого народа и мнимое принятие герцогиней Германтской республиканского равенства, которое на самом деле оказывается проявлением того же аристократического презрения, она не знает и не желает знать людей, которых приветствует (на что указывают такие похожие на оксюморон сочетания, как *dédaigneuse égalité* и *morgue égalitaire*). Особняк, в свою очередь, описывается как связанный с древними временами, с ранним Средневековьем, с которым род Германтов ассоциируется в глазах повествователя, когда различные гильдии располагались поблизости от замка феодала. Здесь мы также имеем дело с метафорой из области гидрологии: подобно тому, как наносы песка и ила, относящиеся к русловым процессам, постепенно изменяют речное русло, так и народ, буржуазия и аристократия после Революции соседствуют друг с другом во дворе аристократического особняка, словно принесенные мощной волной демократических перемен.

Интересно отметить и то, что здесь также присутствует одна из многочисленных подсказок, по мнению Т. М. Николаевой, указывающих на то, что все эти события происходят лишь в мечтах героя: в тексте никак не объясняется тот факт, что семья родителей Марселя в Париже внезапно поселилась по соседству с особняком Германтов [Николаева, 2012. С. 58], несмотря на то, что «в салон герцогини практически попасть почти невозможно» [Там же], причем «юный Марсель не совершает никаких коммуникативных усилий – все слетаются к нему как пчелы на мед». [Там же. С. 56]

- *Chef d'État* «глава государства», *peuple* «народ»

Данный термин также уже встречался при сравнении развития любовных отношений Марселя и Жильберты с ситуацией из области международного права [Савина, 2019. С. 72–73]. Но в следующем ниже контексте рассматриваемые выражения неожиданно используются М. Прустом в составе необычного образного сравнения ощущений больного при исполь-

зовании ватных беруш для сна и при их извлечении после пробуждения в целях противопоставления их прагматических эффектов:

<...> *Le pianissimo ne suffit plus, la boule fait instantanément fermer le clavier et la leçon de musique est brusquement finie; le monsieur qui marchait sur notre tête cesse d'un seul coup sa ronde; la circulation des voitures et des tramways est interrompue comme si on attendait un chef d'État.* <...> *Qu'on retire, au contraire, pour un instant au malade les cotons superposés à son tympan, et soudain la lumière, le plein soleil du son se montre de nouveau, aveuglant, renaît dans l'univers; à toute vitesse rentre le peuple des bruits exilés; on assiste, comme si elles étaient psalmodiées par des anges musiciens, à la résurrection des voix* <...> [Proust, 1988. P. 69].

В рассматриваемом случае разгул самых разных звуков и шумов накануне вечером контрастирует с их полным отсутствием и последующим «возрождением» на следующее утро. Здесь сравнение, в состав которого входит юридическая лексика, используется для создания очень сложной синестетической метафоры. Звуки соотносятся со зрительными впечатлениями (на что указывают такие существительные, как *lumière* и *plein soleil*). Ситуация, связанная с перекрытием уличного движения в ожидании главы государства, и последующее возвращение «изгнанного народа звуков» также входит в ее состав. С таким чисто физическим явлением, как «вернувшиеся» голоса, соотносятся и метафизические религиозные представления, когда ангелы с музыкальными инструментами словно предвещают воскресение звуков, подобно воскресению Христа. Эта комплексная метафора указывает на тесную связь-переплетение всех явлений окружающего мира (звуковых, зрительных, политических, религиозных) в представлении Марселя, когда при пробуждении все звуки и шумы народной жизни обрушиваются на него «в полном объеме».

2.2 Лексика из области уголовного права

- *Condamné* («осужденный, приговоренный»), *prison* («тюрьма»)

Существительное *condamné* определяется в словаре «Trésor de la langue française» как «frappé d'une condamnation par la justice», а *prison* – как «établissement pénitentiaire clos, aménagé pour recevoir des individus condamnés par les tribunaux à une peine les privant de liberté ou des prévenus en instance de jugement». Ожидание Марселем выхода герцогини Германтской на прогулку сравнивается, с одной стороны, с ожиданием разъяренной толпой выхода приговоренного к смертной казни из тюрьмы, с другой – с восторгом толпы, ожидающей великого человека, дабы увидеть и поприветствовать его лично:

<...> *Car jamais fanatique d'une grande comédienne qu'il ne connaît pas, allant faire « le pied de grue » devant la sortie des artistes, jamais foule exaspérée ou idolâtre réunie pour insulter ou porter en triomphe le condamné ou le grand homme qu'on croit être sur le point de passer chaque fois qu'on entend du bruit venu de l'intérieur de la prison ou du palais, ne furent aussi ému que je l'étais, attendant le départ de cette grande dame qui, dans sa toilette simple, savait, par la grâce de sa marche (toute différente de l'allure qu'elle avait quand elle entrait dans un salon ou dans une loge), faire de sa promenade matinale – il n'y avait pour moi qu'elle au monde qui se promenait – tout un poème d'élégance et la plus fine parure, la plus curieuse fleur du beau temps* <...> [Proust, 1988. P. 52].

В данном случае страстное ожидание Марселем выхода герцогини Германтской на прогулку сравнивается с описанными выше ситуациями. Все эти сравнения указывают на различные чувства ожидающих, не реальные, но потенциально возможные для чувственности Марселя (о чем свидетельствует в том числе и похожий на заклинание повтор наречия *jamais*, хотя объективно молодой человек не может проверить данный факт) – от низменных до самых высоких, от желания присутствовать на казни до поклонения перед искусством и неудержимого восторга перед великим человеком (которые, как известно, в толпе могут сменять друг друга за считанные секунды). Подобные сопоставления используются для того, чтобы выявить на фоне психологии толпы силу восхищения герцогиней со стороны ее отдельного молодого поклонника; но оно скорее воображается Марселем, чем охватывает его реально, на что указывают и такие в высшей степени поэтичные выражения, передающие его представления о прогулке герцогини, как *tout un poème d'élégance, la plus fine parure* и *la plus curieuse fleur du beau temps*.

Сравнение с тюрьмой используется М. Прустом также при описании страданий Робера де Сен-Лу после ссоры с его возлюбленной Рахиль:

<...> On a dit aussi que le silence était un supplice, et capable de rendre fou celui qui y était astreint dans les prisons. <...> D'ailleurs, plus cruel que celui des prisons, ce silence-là est prison lui-même. Une clôture immatérielle, sans doute, mais impénétrable, cette tranche interposée d'atmosphère vide, mais que les rayons visuels de l'abandonné ne peuvent traverser <...> [Proust, 1988. P. 114–115].

В рассматриваемом контексте молчание Рахиль, от которого страдает Сен-Лу, сравнивается с тишиной, от которой сходят с ума заключенные в одиночной камере. От данного сравнения М. Пруст переходит к концептуальной метафоре («ce silence-là est prison lui-même»). Отчаяние влюбленного в подобной ситуации передается и посредством противопоставления прилагательных *immatériel* и *vide* прилагательному *impénétrable* и относительному придаточному *que les rayons visuels de l'abandonné ne peuvent traverser*. Здесь снова «абстрактные» сугубо вербальные страдания Робера де Сен-Лу психологизируются посредством их сравнения с известными ему конкретными видами мучений заключенных в тюрьмах, что делает данную ситуацию более живой, реальной и позволяет читателю лучше представить себе мучения молодого человека, которого также словно наказывают молчанием за некое преступление.

2.3. Лексика из области международного права

- *Expatriation* «экспатриация»

Существительное *expatriation* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «action d'expatrier, d'être expatrié ou de s'expatrier; résultat de cette action; état de la personne expatriée». Сравнение с данной правовой ситуацией продолжает описание мучений Робера де Сен-Лу, и, в частности, болезненное переживание им любовных страданий в надежде на скорое возвращение Рахиль к нему, сопоставляется с действиями экспатрианта, который уладил все свои дела на родине, ожидая скорейшего отъезда за границу. Подобно тому, как такой отъезд не произойдет в действительности, так и возлюбленная Робера к нему не вернется:

<...> Après avoir entrevu ainsi une oasis imaginaire de tendresse, il se retrouvait piétinant dans le désert réel du silence sans fin.

Il souffrait d'avance, sans en oublier une, toutes les douleurs d'une rupture qu'à d'autres moments il croyait pouvoir éviter, comme les gens qui règlent toutes leurs affaires en vue d'une expatriation qui ne s'effectuera pas, et dont la pensée, qui ne sait plus où elle devra se situer le lendemain, s'agite momentanément, détachée d'eux, pareille à ce cœur qu'on arrache à un malade et qui continue à battre, séparé du reste du corps. En tout cas, cette espérance que sa maîtresse reviendrait lui donnait croyance qu'on pourra revenir vivant du combat aide à affronter la mort <...> [Proust, 1988. P. 115].

В рассматриваемом примере любовные страдания Робера де Сен-Лу также изображаются как блуждания по пустыне в тщетной надежде найти оазис. Ход его мыслей представлен посредством сравнения из области хирургии, а надежда на скорейшее примирение – сравнением из военной сферы. Благодаря описанию чувств Сен-Лу через параллели со столь далекими друг от друга областями жизни читатель получает максимально детальное и конкретное представление о них.

- *Diplomates* «дипломаты», *paix* «мир», *guerre* «война», *rectification de frontière* «уточнение границы», *droit des gens* «международное публичное право»

Данные термины из области международного права образно используются М. Прустом для описания драки Сен-Лу с журналистом в ресторане:

À ce moment, je vis Saint-Loup lever son bras verticalement au-dessus de sa tête <...> comme un chef d'orchestre, et en effet – sans plus de transition que sur un simple geste d'archet, dans une symphonie ou un ballet, des rythmes violents succèdent à un gracieux andante <...>, il abattit sa main, en une gifle retentissante, sur la joue du journaliste.

Maintenant qu'aux conversations cadencées des diplomates, aux arts riantes de la paix, avait succédé l'élan furieux de la guerre, <...> je n'eusse pas été trop étonné de voir les adversaires baignant dans leur sang. Mais ce que je ne pouvais pas comprendre (comme les personnes qui trouvent que ce n'est pas de jeu que survienne une guerre entre deux pays quand il n'a encore été question que d'une rectification de frontière, ou la mort d'un

malade alors qu'il n'était question que d'une grosseur du foie), c'était comment Saint-Loup avait pu faire suivre ces paroles <...> d'un geste qui ne sortait nullement d'elles, <...> le geste de ce bras levé non seulement au mépris du droit des gens, mais du principe de causalité <...> [Proust, 1988. P. 172–173].

Отношения между людьми сравниваются с отношениями между государствами, а необоснованная, на первый взгляд, агрессия – с внезапным началом войны между странами. Рассматриваемая аналогия активно подкрепляется сравнениями с другими сферами деятельности – музыкой (она вводится лексемами *chef d'orchestre, archet, symphonie, ballet, andante*), медициной (*mort, malade, grosseur de foie*) и логикой (*principe de causalité*). Внезапность агрессии подчеркивается и контекстуальным противопоставлением лексики, указывающей на внешнюю учтивость (*paroles courtoises, amabilité*) словам, прямо указывающим на физическое насилие (*une gifle, les coups*).

Заключение

Юридическая лексика в начале третьего тома романа используется М. Прустом с тремя следующими целями.

1. Описание мира аристократии таким, каким он видится выходцам из буржуазии, в сознании которых воображаемое противопоставлено реальному.

Разнообразные культурные концепты, связанные в воображении Марселя, в частности, с представлением о герцогине Германтской, на проверку оказываются обманчивыми. При этом юридическая лексика может указывать как на возвышенные представления мальчика о них, так и на их несоответствие действительности.

2. Описание жизни народа, в котором, напротив, преобладают предельно конкретные сравнения и метафоры.

Автор иронически сравнивает право Франсуазы проводить за обедом с другими слугами около трех часов со свободой отправления религиозного культа, представляя эту ее привычку как столь же священное право. Медленное поглощение аристократических атрибутов прежней жизни высшего сословия народной массой со своей материальной культурой и образом жизни представлено как затопление, захламление парадного двора богатого поместья неудержимым разливом демократии. Эти сравнения и метафоры соотносятся с другими, также конкретными (ботаника, армия). Если и появляются аллюзии на прецедентные абстрактные культурные концепты (особый вид уныния в трагедиях Корнеля), то они используются скорее иронически.

3. Описание различных ощущений, чувств и отношений между представителями различных слоев общества.

Мотивация больного, использующего беруши для того, чтобы быстрее заснуть, отгородиться от шумов уличной жизни, подкрепляется посредством развернутого сравнения и метафоры, в рамках которых переплетаются воедино правовая ситуация, визуальные, слуховые ощущения и религиозные представления. Сложные отношения между Робером де Сен-Лу и его возлюбленной Рахиль, происходящей из «низов», представлены различными ситуациями из области международного и уголовного права. Внезапное начало драки Сен-Лу с журналистом изображено как конфликтная ситуация международного права. При этом автор прибегает и к сравнению из области музыки, что позволяет представить драку как произведение искусства.

Проведенный анализ материала позволяет утверждать, что юридическая лексика в начале третьего тома романа М. Пруста отражает романтические представления автора о жизни в целом, прежде всего о философии отношений традиционных французских социальных сословий в эпоху Третьей республики. С метафорами и сравнениями, созданными на основе юридической лексики, соотносятся другие, как абстрактные, так и конкретные. Актуализируется не только и не столько семантика юридических терминов, сколько связанные с ними представления и ассоциации автора о социальном окружении персонажей, часто на фоне вы-

мышленного любовного страдания. Задействование юридической лексики и ее связь со сравнениями и метафорами из других сфер не только указывают на ее специфическую текстопо-рождающую роль в поэтике Пруста, но и позволяют воссоздать в литературном произведе-нии многоплановую картину жизни и разнообразного культурного сознания французского общества, подмеченную в работах И. И. Блауберг и Р. Эпштейна.

Список литературы

- Блауберг И. И.** О некоторых философских сюжетах в творчестве Марселя Пруста // Фило-софские науки. 2018. № 9. С. 78–95. DOI 10.30727/0235-1188-2018-9-78-95.
- Квинтилиан М. Ф.** Двенадцать книг риторических наставлений Марка Фабия Квинтилиана. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1834. В 2 ч. Ч. 2. 522 с.
- Лутцева М. В.** Английская юридическая терминология и способы ее перевода на русский язык // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 2. Ч. 1. С. 110–113.
- Николаева Т. М.** О чем на самом деле написал Марсель Пруст? М.: Языки славянской куль-туры, 2012. 128 с.
- Савина Е. С.** Стилистическое функционирование юридической лексики во втором томе ро-мана М. Пруста «В поисках утраченного времени». // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 65–76. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-65-76.
- Савина Е. С.** Юридические макроструктурные и микроструктурные фигуры как средство изображения буржуазного мира Франции // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и меж-культурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 110–121. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-110-121.
- Федулова М. Н.** Юридическая терминология как составная часть терминологической науки // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 192–194.
- Bacry, P.** Les figures de style et autres procédés stylistiques, P.: Berlin, 1992, 335 p.
- Cornu, G.** Linguistique juridique. P.: Montchrestien, 2005, 456 p.
- Epstein, R.** Consciousness, art and the brain: Lessons from Marcel Proust. *Consciousness and Cognition*, 2004, no. 13, p. 213–240. DOI 10.1016/S1053-8100(03)00006-0
- Fontanier, P.** Les figures du discours. P.: Flammarion, 2009, 507 p.
- Fromilhague, C.** Les figures de style. P.: Armand Colin, 2010, 132 p.
- Hughes, E. J.** Marcel Proust: A Study in the Quality of Awareness. Cambridge: Cambridge Uni-versity Press, 2010, 217 p.
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. P.: Le Livre de Poche, 1992, 352 p.
- Pougeoise, M.** Dictionnaire de rhétorique. P.: Armand Colin, 2001, 224 p.
- Reboul, O.** Introduction à la rhétorique. P.: PUF, 1991, 238 p.

References

- Bacry, P.** Les figures de style et autres procédés stylistiques, P.: Belin, 1992, 335 p.
- Blauberg, I. I.** On Philosophical Themes in Marcel Proust's Works. *Philosophical Sciences*, 2018, no. 9, p. 78–95. (in Russ.) DOI 10.30727/0235-1188-2018-9-78-95
- Cornu, G.** Linguistique juridique. P.: Montchrestien, 2005, 456 p.
- Epstein, R.** Consciousness, art and the brain: Lessons from Marcel Proust. *Consciousness and Cognition*, 2004, no. 13, p. 213–240. DOI 10.1016/S1053-8100(03)00006-0
- Fedulova, M. N.** Legal Terminology as a Part of Terminological Science. *Bulletin of the State Uni-versity of Kostroma*, 2017, no. 4, p. 192–194. (in Russ.)
- Fontanier, P.** Les figures du discours. P.: Flammarion, 2009, 507 p.
- Fromilhague, C.** Les figures de style. P.: Armand Colin, 2010, 132 p.

- Hughes, E. J.** Marcel Proust: A Study in the Quality of Awareness. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, 217 p.
- Lutceva, M. V.** English Legal Terminology and the Methods of its Translation into Russian. *Bulletin of Voronezh State University, «Linguistics and Transcultural Communication» Series*, 2007, no. 2, part 1, p. 110–113 (in Russ.)
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. P.: Le Livre de Poche, 1992, 352 p.
- Nikolaeva, T. M.** What Marcel Proust Had Really Written About? Moscow: Languages of Slavic Culture Publ., 2012, 128 p. (in Russ.)
- Pougeoise, M.** Dictionnaire de rhétorique. P.: Armand Colin, 2001, 224 p.
- Quintilianus, M. F.** Institutes of Oratory. Saint-Petersburg: Imperial Russian Academy Publ., 1834, 2 parts. Part 2, 522 p. (in Russ.)
- Reboul, O.** Introduction à la rhétorique. P.: PUF, 1991, 238 p.
- Savina, E. S.** Stylistic Functioning of Legal Vocabulary in the Second Volume of Marcel Proust's Novel "In Search of Lost time". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 65–76. (in Russ.) DOI 10.2505/1818-7935-2019-17-2-65-76
- Savina, E. S.** Legal Macro- and Microstructural Devices as a Means of Representing French Bourgeoisie. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 110–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-110-121

Список источников и Словарей / List of sources and Dictionaries

- Proust, M.** Le Côté de Guermantes. P.: Gallimard, 1988. 578 p.
- Cornu, G.** Vocabulaire juridique. P.: PUF, 2016. 1101 p.
- Le Robert. Dictionnaire de la langue française. P.: Dictionnaires Le Robert, 1994. 2467 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
18.12.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Савина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, PhD университета Париж-Сорбонна (Париж-IV), доцент кафедры иностранных языков юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Elena S. Savina, Cand. of Sci. (Philology), PhD of Paris-Sorbonne (Paris-IV) University, Associate Professor of the Foreign Languages Department of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

savinaelena2006@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4301-5638